

Личная жизнь Валерия Гергиева

МАЭСТРО ГЕРГИЕВ, осетин по национальности, родился в Москве, творческую карьеру сделал в Петербурге, подняв Мариинский театр до мирового уровня.

Это интервью было взято в Мариинке в антракте между премьерой нового одноактного балета "Принцесса Пирлипат" и "Щелкунчиком" (оба - в оформлении М. Шемякина). Ранним утром того дня Гергиев прилетел в Питер из Москвы, где проводил пресс-конференцию к предстоящему Пасхальному фестивалю, художественным руководителем которого он является. И прямо с самолета - на репетицию, дальше дневной концерт для студентов Петербургского университета, затем прогон вечернего спектакля, пресс-конференция, наконец сам балет. Все вокруг уже падали от усталости, один маэстро был бодр и энергичен.

- ЗНАКОМО ли вам чувство усталости?

- Ну, конечно, знакомо. Я устаю от многих вещей, и особенно сильно, если не получается сделать что-нибудь нужное, простое, хорошее, естественное. В общем, когда возникают проблемы вроде бы на пустом месте.

- Вам не жаль тратить силы на дела, не имеющие прямого отношения к музыке - вашей основной профессии?

- К счастью, я не Лев Толстой, и ничего страшного не происходит от того, что часть своего драгоценного времени я отдаю на решение организационно-управленческих, а также творческих, житейских проблем вверенного мне театра. Вот если бы при такой скорости передвижения я забыл написать какую-нибудь великую книгу - "Войну и мир", например, - тогда другое дело. Так что в моем положении не все так трагично - у меня много видов деятельности.

С концертами по Сибири

- А КАКОЙ основной?

- Я пытаюсь конструировать, создавать некие проекты, которые были бы нужны, полезны и интересны современной отечественной культуре. И не просто придумать что-то, а стремлюсь стать лидером той или иной ситуации. Создавая фестивали в Финляндии, Голландии, приезжая на Кавказ в разгар чеченской войны, впервые выехав в Китай, регулярно бывая в Японии, я хотел прежде всего дать почувствовать моим артистам, что они не менее, а, может быть, более значимы, чем их коллеги из Вены или Парижа.

И, поверьте, нам это удалось. В отличие от наших хоккеистов, футболистов, шахматистов мы с театром не потеряли позиций великой музыкальной державы, когда все вокруг у нас рушилось. Мощь Мариинки знают во всем мире. Да, я не жалел коллектив, который работал в три, в пять, в десять раз больше, чем раньше, но еще больше я не жалел себя. Это все знают. Я никогда не уходил из театра раньше часа ночи.

- Кто-нибудь вам помогал, когда 15 лет назад вы возглавили тогда еще Кировский театр?

- Никто.

- Можно ведь было плюнуть на все и уехать, как многие?

- А я хитрый. В 90-е было так же трудно не уехать, как в 70-е уехать. Эмигранты 60-70-х поначалу вызывали всеобщее осуждение, потом - восхищение, теперь - равнодушие. Нами же - теми, кто не удрал насовсем, а остался здесь жить и работать, - никто не восхищался, но никто и не возмущался. Я понимал, что уехать тогда в общем потоке было бы слишком банально. Тот же Лев Толстой говорил, что по-настоящему счастлив тот, кто счастлив у себя дома.

- Вам хотелось прослыть героем, хотелось подвига?

- Нет. Я же говорил, что ни у кого это не вызывало восхищения. На самом деле подвиг, если уж о нем зашла речь, в том и состоит, чтобы не бить себя кулаком в грудь и не кричать по тому или иному поводу: "Я уехал от тоталитаризма!" или "Я остался с демократией!" Во всем этом есть какая-то фальшь. Были в нашей истории такие гиганты, как Рихтер, Ойстрах, Мравинский. Удивительно нефальшивые люди, и дарования их были такими же.

- По-вашему, есть и фальшивые дарования?

- А как же! Сколько угодно. Бывают и такие дарования - знаете... беглость, шустрость необыкновенная. Такая повышенная телесная подвижность, спортивность, ловкость. Ловкость движений, в том числе и за сценой, легкое отношение к жизни. Карьера укрепляется за чашкой чая, за рюмкой водки. В рюмке водки ничего плохого нет. Но "деловых людей" за этой самой рюмкой я вижу и чувствую сразу, и суть их дарований - тоже. Но по-настоящему талантливых у нас все-таки больше. И я не могу продолжать рассказывать им сказки, что мы живем в бедной стране, и поэтому они, первые певцы и танцовщики мира, должны выступать за копейку. Они работают в той стране, где живут самые богатые молодые люди в мире, сумевшие так быстро, скандально быстро и безмерно разбогатеть. Президент это понимает, он выделил свои гранты на культуру, в том числе и нашему театру, и тем самым взял на себя большую ответственность, потому что есть много других сфер, которым надо помогать. Если эти молодые люди тоже что-нибудь поймут, то можно наладить тот нормальный процесс, на котором держится культура во всех странах мира. Может быть, прекратится эта безоглядная унижительная беготня на Запад.

- Начинает работать Фонд Гергиева...

- Вот-вот. Может быть, если и не Мусоргского, Прокофьева, Рихтера или Ойстраха мы вырастим и сохраним для страны, то хотя бы новых Вадика Репина или Женю Кисина. Ведь они уже давно перестали быть российскими музыкантами. Я их не растил, но много выступал с ними. Возможно, они живут совершенно правильно, а я все еще заблуждаюсь. Возможно. Да пусть каждый живет, где ему хочется. Не в этом дело. А в том, чтобы чаще появляться и выступать в России. Может, кто-нибудь из них набрался бы смелости и проехал бы с концертами по всей Сибири, как когда-то Рихтер.

Юбилей без фанатизма

- ЕСЛИ не секрет, где вы собираетесь отмечать свое пятидесятилетие?

- Я люблю отмечать день рождения как повод собрать друзей и знакомых, но не люблю ничего грандиозного, когда непременно должны прийти все, кто хочет и не хочет. Когда человек занимает определенное положение, считается нужным его обязательно поздравить, а то, не дай бог, обидится, и что-то ему вручить, ну хотя бы какую-нибудь награду. Сейчас их тьма, этих наград: серьезные, легкие и игривые, общенациональные и узкотеатральные - за какое-нибудь особое прочтение классики или работу с молодежью. Много чего придумали и дарят друг другу как сувениры: вчерашние "боги" вручают сегодняшним "богиням". Есть мифические герои, есть даже львы и рыбы, сегодня можно получить и Оленя, и Орла, и Софит, и все что угодно. И Чайковскому, и Шостаковичу вручали награды и в мантии облачали, я сам, стыдно сказать, почетный доктор шести или семи зарубежных университетов. Мне стыдно об этом даже думать. И мантии эти все я запрятал подальше.

- А кто вы по гороскопу?

- Я - Телец. По-моему, быков среди множества театральных наград пока нет. Жаль. А если серьезно, то я хочу отметить день рождения и во Владикавказе, и в Москве, и в Петербурге, где как раз в мои юбилейные дни мы начнем фестиваль "Звезды белых ночей". Мы решили открыть его возвращением на нашу сцену постановки "Войны и мира" Андрона Кончаловского. Один наш певец как-то говорит, обращаясь ко мне: "Маэстро, а можно сегодня на репетиции петь без фанатизма?" Это значит петь вполголоса. Вот если мы не будем стараться поместиться в один день для какого-нибудь дежурно-юбилейного вечера, а загуляем эдак дней на пять в разных городах и при этом будем в каждом городе продолжать выступать, давать спектакли и концерты, то и будет юбилей без фанатизма.